

Т. В. БОГАТОВА, О. Н. ЗЕФИРОВА, Е. А. ЗАЙЦЕВА

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ХИМИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Приближающийся конец тысячелетия вместе с другими юбилейными датами располагает к подведению итогов и систематизации того, что пройдено. Уходит XX век — время, на которое пришлось жизнь нашего поколения, время, когда жили и творили наши учителя и их предшественники. История науки — область, предназначенная для анализа уже произошедшего, открытого, исследованного, и в этом смысле, имея дело с научными фактами, она должна быть объективна. Однако как любая история, призванная не только анализировать, но и оценивать, интерпретировать — деятельность людей, важность их открытий, приоритеты и личную значимость, — она субъективна и в значительной степени подвержена влиянию социально-политических факторов. История химической науки в этом смысле не исключение, хотя на первый взгляд может показаться, что тенденции в идеологии того или иного общества не имеют никакой связи, к примеру, с фактом открытия периодического закона или научным вкладом ученого. Но это лишь на первый взгляд, и преподавание истории химии в Московском университете на протяжении уходящего столетия — хороший тому пример.

Данным обстоятельством, которое дополняется также соображениями юбилейного характера (1 октября 1999 г. химическому факультету МГУ исполнилось 70 лет), обусловлен наш интерес к особенностям формирования этой учебной дисциплины в Московском университете и наличию или отсутствию взаимосвязи преподавания истории химии с общими тенденциями в общественно-политической жизни за период с конца XIX в. до середины 1980-х гг.

С чего все начиналось

Внимание к истории химической науки традиционно было характерно для ученых-химиков Московского университета. «В этом отношении традиция берет свое начало, по-видимому, от В. В. Марковникова, читавшего специальный курс истории химии еще в Казанском университете. Ряд курсов по теоретической химии, подобных курсу И. А. Каблукова по теории строения химических соединений, имели по существу историко-химический характер» [1, с. 39]. Студентам-химикам специальные историко-химические курсы читали: М. И. Коновалов («Очерк развития химии за последние 100 лет», 1892–94 гг.), А. Н. Реформатский (тот же курс, 1894/95 г.), А. Г. Дорошевский («История химии», 1898–1901 гг.), А. Е. Чичибабин («История химии», 1903/04 г.), В. И. Вернадский («История физико-химических и геологических наук в Новое время», 1902/03 гг.) [2, л. 160 об.], П. И. Вальден («История химии в России», 1915/16 гг.) [3, л. 41, 44–44 об.], Д. В. Алексеев («История химии: средние века», 1912–14 гг.).

Это внимание к истории химии не прошло бесследно, и уже в 1890-е гг. начали появляться студенты, проявлявшие интерес именно к этой области химии. Не исключено также, что поддержанию этого интереса способствовали и торжества, проходившие в 1898–1900 гг. и посвященные 150-летию основания М. В. Ломоно-

* Авторы статьи выражают глубокую благодарность Наталье Петровне Каргиной, историку-архивисту Архива МГУ, Валентине Васильевне Беловой, архивариусу химического факультета МГУ, сотрудникам Центрального исторического архива г. Москвы за неоценимую помощь в поисках неизвестных ранее документов в фондах архивов.

Ученый Совет Императорскаго Московскаго Университета.
Отдѣлъъ Историко-Естественно-Историческій.
Выпускъ ХХІ, 2.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ
ОСНОВНОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.

М. Н. Попова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Орловскій бульваръ.
1904.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПАМЯТИ
НЕЗАВЕРШЕННАГО УЧИТЕЛЯ
Владимира Васильевича
МАРКОВНИКОВА.

совым первой русской химической лаборатории. К этому юбилею В. В. Марковников написал свой «Исторический очерк химии в Московском университете» [4]. В это время среди студенческих курсовых и зачетных (т. е. дипломных) работ стали появляться работы обзорного и исторического характера: «Историческое развитие строения ароматического ядра» (М. Рождественский, 1898) [5], «Экспериментальные работы Бутлерова» (А. Левенталь, 1900) [6], «Исторический очерк и современное положение теории крашения» (Д. Шведов, 1910) [7], «История вопроса о составе и строении индиго» (С. Кутыев) [8], «О Ломоносове» (И. Дадынин) [9], «Краткий очерк истории развития теории химического строения» (М. Попов, 1902) [10].

О последней работе следует сказать особо, так как она являет собой весьма детальный очерк развития представлений об одной из основных концепций химической науки. Она удостоилась высокой оценки В. В. Марковникова («Автор весьма обстоятельно изучил литературу и уяснил себе все фазы вопроса в такой мере, в какой едва ли можно требовать от начинающего химика» [10], а спустя два года вышла отдельной книгой в «Ученых записках Московского университета» [11]. Не остался незамеченным и автор — по окончании учебы М. Н. Попов был оставлен в университете для продолжения научных исследований. В 1913 г. он начал чтение курса по истории химии XIX в., основой которого была вышеупомянутая работа. В 20-е гг., когда на физико-математическом факультете было образовано химическое отделение и формировались новые учебные планы, курс «История химии», читавшийся сверхштатным профессором М. Н. Поповым, вошел в их состав (для студентов-химиков 4 года обучения) [12, л. 9; 13, л. 25].

К сожалению, отсутствие программ и учебных пособий по историко-химическим курсам периода 1890–середины 1920-х гг. (за исключением работы М. Н. По-

пова и книги П. И. Вальдена) не позволяет судить об их содержании и, в частности, о взаимосвязи с общественно-политической доктриной, если таковая (взаимосвязь) имела. По-видимому, наличие этих курсов в учебном плане Московского университета во многом было следствием чисто научного интереса преподавателей к истории химии.

Создание кафедры истории и философии естествознания

Следует отметить, что в 1910–1920-е гг. интерес к истории науки проявляли не только химики. Так, на физико-математическом факультете университета преподавались курсы истории математики, физики, земледования, геофизики и некоторых других дисциплин [14]. Но в середине 20-х гг. помимо чисто научного интереса на изучение истории естественных наук начинают влиять и некоторые соображения идеологического характера, которые приводят к созданию в 1926 г. кафедры истории и философии естествознания. (Ее руководителем стал доцент физико-математического факультета А. А. Максимов [15, л. 21]). Очень ярко эти соображения отразились в предисловии к программам семинарских занятий по истории и философии естествознания:

...Одновременно с усилением марксистской пропаганды среди естественников в последнее время усилилось и буржуазное влияние на них. Причиной этого является как обострение политической борьбы на основе роста социалистических элементов внутри страны, так и усиление борьбы против нас извне со стороны окружающих нас капиталистических стран.

Первое сказывается вообще в усилении влияния буржуазной идеологии на научных работников и студенчество*. Если это усиление враждебной нам идеологии сравнительно редко сказывается в активно-враждебных выступлениях против марксизма или в отрывках старых, дореволюционных воззрений (антисемитизм и прочее), то оно все же поддерживает то пассивное и безразличное отношение как к практическому строительству социализма, так и к теории марксизма, которое наблюдается еще и теперь у подавляющего числа научных работников и значительной части студенчества естественно-научных вузов, и это затрудняет нашу работу по завоеванию кадровой интеллигенции для социалистического строительства как на идеологическом фронте, так и на фронте индустриализации страны.

К внутреннему влиянию буржуазной идеологии присоединяется и в довольно сильной степени такое же влияние из-за границы. Как до сих пор, так и теперь, наша наука о природе слабее заграничной. Мы учимся и должны учиться у иностранной науки. Эта наша зависимость сказывается и в том, что мы посылаем наших и старых и молодых ученых для их усовершенствования за границу, и в той роли, какую играет у нас научная и учебная иностранная литература, и в целом ряде других отношений. От связи с заграничной мы не только не можем отказаться в той или иной степени, но, наоборот, успех нашего социалистического строительства непосредственно зависит от степени и скорости усвоения нами всех положительных успехов Запада и Америки. Поэтому мы учились и будем учиться у буржуазной науки.

Но, участь у этой науки, мы вместе с положительными элементами вольно или невольно усваиваем и элементы буржуазной идеологии, которыми пропитано и естествознание. Элементы этой буржуазной идеологии мы встречаем не только в речах, статьях, книгах современных естествоиспытателей, но и в той системе высшего об-

* Здесь и далее выделено авторами.

разования, которая имеется на Западе и в Америке. Эта система такова, что обеспечивает в полной мере пропитывание естествознания буржуазной идеологией.

Если взять наиболее близко к нам расположенную страну, с которой у нас чрезвычайно сильные научные связи, — Германию, то там мы видим следующее: все сколько-нибудь значительные немецкие университеты (а их 23) имеют на физматах, именующихся в Германии обычно философскими факультетами, специальные курсы по истории и философии естествознания. По этим курсам имеются специальные профессуры. Этими профессорами пишутся книги, статьи и с успехом формируется буржуазная точка зрения на основные проблемы естествознания. Материализму вообще нет места в западной школе, но зато расцветает поповщина и мистицизм. И чем больше мы вступаем в связь с заграницей, тем более мы сталкиваемся с этой фальсификацией науки буржуазными философами от естествознания. Противостоять этому влиянию мы сможем, если мы со своей стороны будем также поддерживать и развивать научную философию — философию диалектического материализма, распространяя ее на возможно широкий круг студенчества и научных работников [16, л. 22–22 об.].

Приведенный отрывок достаточно полно отражает причины, которые привели в 1926 г. к организации при физико-математическом факультете кафедры истории и философии естествознания и, кроме того, обусловили содержание соответствующих курсов и семинарских занятий. Так, среди тем семинаров по курсу «Введение в историю и философию естествознания» были и такие: «Влияние классовой борьбы на развитие естествознания», «Социальные основы разрыва и антагонизма между прикладными и “чистыми” науками», «Усиление идеалистических течений в науке в конце XIX века в связи с усилением общеполитической реакции в капиталистическом обществе». Нужно отметить, что этот курс освещал преимущественно философские проблемы применительно к естествознанию, тем не менее он включал отдельные темы, посвященные истории конкретных наук. Темы для химиков, однако, были весьма немногочисленны и ограничивались лишь вопросами истории атомистики и периодического закона [16, л. 23–26].

Для ведения научной работы и для того, чтобы «марксизм начал проникать в специальные научно-исследовательские институты при физмате» [16, л. 16] 1 октября 1927 г. при кафедре был организован кабинет по истории и философии естествознания. Однако до 1934 г. научная работа здесь почти не велась (штат сотрудников составлял всего 2 человека), и он представлял собой скорее учебно-вспомогательную единицу.

(Отметим, что к концу 20-х гг. по инициативе Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) кафедры истории и философии естествознания начали создаваться и в провинциальных университетах [16]).

В 1929 г. химическое отделение, входившее в состав физико-математического факультета, было преобразовано в самостоятельный химический факультет. Однако спустя лишь год инженерная направленность естественного образования, характерная для конца 20-х гг., привела к отделению химического факультета от МГУ: он вошел в состав Единого московского химико-технологического института (ЕМХТИ), включившего четыре химических вуза. В 1932 г. ЕМХТИ был ликвидирован, а бывший химический факультет возвратился в систему университета на правах химического отделения, которое в 1933 г. было вновь реорганизовано в факультет. Такая же судьба постигла и ряд других факультетов университета, что внесло некоторую неразбериху в установившийся порядок преподавания, в том числе в преподавание истории науки, которое в этот период переживало не лучшие времена.

Межфакультетская кафедра истории и философии естествознания

В 1933 г., когда «отлученные» факультеты вновь вошли в состав университета, кафедра истории и философии естествознания была реорганизована — она приобрела статус межфакультетской, обновилось ее руководство (заведующим кафедрой стал И. П. Роцен, ученым секретарем — А. О. Апирин) и содержание курсов: фактически вместо философии естествознания на ряде факультетов стали читать цельные курсы по истории и философии соответствующих дисциплин (математики, физики, химии, биологии). «В основу читаемых курсов была положена задача осветить перед студентами основные моменты истории той или иной дисциплины в связи с развитием общественных форм и истории философской мысли» [17, л. 36]. Важным нововведением явилась также организация семинаров.

Новизна читаемых курсов, отсутствие аналогичных программ преподавания в других высших учебных заведениях страны сразу же поставила перед кафедрой ряд проблем, которые надо было разрешить в сжатые сроки: составление программ лекционных курсов и семинаров, обеспечение студентов соответствующей учебной литературой (учебными пособиями и вспомогательными материалами), издание первоисточников по истории науки. Кроме того, необходимо было укомплектовать кафедру квалифицированными кадрами для обеспечения учебной работы.

На первых порах чтение лекций по истории химии взял на себя Иван Петрович Роцен (кстати, выпускник химического отделения). К преподаванию истории химии были привлечены также штатные сотрудники кафедры Б. Н. Выропаев и И. Я. Тюрин, а также работающие на договорных началах Б. М. Кедров (аспирант Института истории естествознания) и Н. И. Родный. Соответствующий курс лекций и семинаров для студентов-дипломников химического факультета МГУ впервые был проведен в 1934/35 уч. г. Конечно, на чтении курса сказалось отсутствие программы (она разрабатывалась в процессе чтения лекций) и учебных пособий. Кроме того, занятия велись лишь с февраля по апрель (по одной лекции и одному семинару в неделю), так как по предложению деканата факультета количество часов, отведенное на курс, было сильно сокращено (с 80 до 48 часов) [17, л. 50].

Однако к началу следующего, 1935/36 уч. г. кафедра подошла уже с разработанными программами — для курса лекций по истории химии, который читался дипломникам, и для семинарских занятий по истории и теории химии, предназначенных аспирантам первого года обучения [18, л. 1–9].

В программе для семинарских занятий [18, л. 1–5] обращает на себя внимание обстоятельность исторических и философских вопросов химии (и естествознания в целом), начиная от древности и средневековья («Проблема материи и движения в учении Аристотеля, Демокрита, Эпикура», «Мистика, астрология и алхимия», «Внедрение атомистики в химию и изменение методологических основ ее» и пр.) до XIX в. («Проблема непрерывности и прерывности материи в химии XVIII и XIX вв.», «Проблема анализа и синтеза в химии; постановка и решение ее в химии первой половины XIX в. и сейчас» и т. д.).

Кроме того, в программе для семинаров уже в полной мере отражается стремление обозначить «классовый характер естествознания», «партийность науки», показав неизбежность «кризиса буржуазной науки» и преимущество социалистического строительства «для науки вообще и химии в частности в СССР» [18, л. 1–5]. Предложенное построение курса, по мнению его создателей, «должно обеспечить как знание основных этапов истории естествознания, так и довольно значительную проработку философии, изучение всего богатства марксистско-ленинского наследия по этим вопросам» [19, л. 37].

Особенно остро стоял вопрос с учебниками и учебными пособиями, тем более что «слабое обеспечение лекторского состава, получающего за работу в среднем от 40 до 150 рублей в месяц, не обеспечивает активного участия работников в учебной и исследовательской работе кафедры и вынуждает сотрудников искать работу по совместительству» [17, л. 46]. Для решения этой проблемы, а также для развития научно-исследовательских работ по истории науки («которая могла бы питать и оплодотворять педагогическую работу кафедры» [17, л. 36 об.]), в 1934 г. был реорганизован созданный еще в 1927 г. кабинет истории естествознания (завкабинетом М. Л. Левин).

Руководство кабинета привлекло ряд научных работников, которые приступили к исследовательской работе «в размерах, отвечающих тем небольшим ассигнованиям, которые ему были отпущены» [17, л. 48]. Уже к концу 1934 г. удалось начать разработку ряда исторических проблем по отдельным дисциплинам. Результаты исследований стали регулярно публиковаться в выпусках «Трудов» кабинета. Так, в 1935 г. во 2-ом выпуске «Трудов» было опубликовано несколько статей историко-химической тематики: «Из истории механического мировоззрения в химии XVII в.» (И. П. Роцен), «Из истории физической химии (развитие понятия компонента у Гиббса и Дальтона)» (Б. М. Кедров), «Из истории развития учения об атомизме второй половины XIX в. – первой четверти XX в.» (В. М. Гальперин) [17, л. 35–35 об.]. Велись и исследования, результаты которых апробировались на семинарских занятиях со студентами и аспирантами химфака: «История периодической системы элементов Д. И. Менделеева» (Б. Н. Выропаев), «Химия эпохи Великой французской революции» (И. П. Роцен), «Об атомистике Дальтона» (Б. М. Кедров) [19, л. 44]. Одновременно кабинет начал подготовку и издание материалов и документов по истории физики, химии и биологии. Первоочередной была задача создания хрестоматий, которые предполагалось использовать в качестве учебных пособий при слушании студентами курсов истории соответствующих дисциплин, причем основной особенностью таких хрестоматий считалось то обстоятельство, «что они выдвигают на первый план основные методологические проблемы соответствующих научных дисциплин, давая их в историческом разрезе. Хрестоматии в основном строятся на подлинных высказываниях классиков соответствующих научных дисциплин в марксистском освещении. Каждому периоду предпосылается краткий очерк социально-экономической структуры эпохи (по возможности из работ классиков марксизма), а также общая характеристика научной дисциплины в данную эпоху. Большинство статей и отрывков для хрестоматий переводится заново по первоисточникам и связано текстом составителей» [17, л. 58]. Первый том хрестоматии по истории химии [17, л. 6–9] был подготовлен И. П. Роценом и сдан в печать в начале 1935 г. (в этом же году И. П. Роцен был утвержден в звании профессора [20, л. 11]). Однако дальнейшая судьба хрестоматии пока не известна.

В мае 1934 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о реформе исторического образования, фактически обозначившее некоторые изменения во внутривластной доктрине. Дело в том, что в прежней, господствовавшей в 20-е годы, одно из центральных мест занимала идея «своеобразного нигилизма в отношении к своему (до-революционному. — *Авт.*) прошлому» [21, л. 102 об.]. В начале 30-х гг., с усилением активности гитлеровской Германии, появилась необходимость корректировки внутривластной концепции. Такая корректировка предполагала смещение акцентов от «идей пролетарского интернационализма» и «пораженческой идеологии по отношению к своему прошлому» к формированию «идеи родины», патриотизма, которые могли помочь консолидировать нацию, противостоять идеям на-

цизма. Реформа исторического образования и была призвана обеспечить информационную и социально-психологическую базу для этой борьбы, перестроить общественное восприятие истории страны и человеческой культуры в целом. Несмотря на свой общеидеологический характер, реформа предполагала изменения в преподавании не только гражданской истории, но и истории естествознания. Уже в плане работы кафедры и кабинета истории и философии естествознания на 1936 г. подход к преподаванию был существенно изменен:

Для реализации решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам преподавания исторической науки кафедра и кабинет истории и философии естествознания считают необходимым перестроить курсы истории наук, читаемые на факультетах, а также пересмотреть научно-исследовательскую тематику в духе этих решений в следующих направлениях:

1. Пересмотреть программы курсов по истории и философии естествознания с целью обеспечения живого, конкретного изложения исторических событий с учетом биографических данных о выдающихся деятелях естествознания.

2. Удалить элементы абстрактного схематизма в анализе социально-экономических предпосылок в развитии наук и не подкрепленных конкретной характеристикой соответствующих эпох и периодов декларативных ссылок на «экономический фактор», «социально-экономическую формацию» и т. п. и добиться более четких, правильных формулировок, имеющихся в программе разделов. В изложении истории естествознания в России и СССР учитывать все относящиеся сюда указания ЦК и СНК.

3. Учитывая указания ЦК ВКП(б) и СНК, имеющие принципиальное значение и для истории естествознания, особо тщательно подготовить вторые тома хрестоматий по истории биологии, химии и физики, вместе с тем всячески избегая при этом механического переноса конкретных, относящихся к определенному типу учебников, указаний в постановлении.

4. Усилить методическую работу по перестройке текущей подработки с тем, чтобы реализовать указания ЦК уже в текущем учебном году [22, л. 4].

Новый подход в полной мере отражал требования текущего момента. Профессор П. П. Бондаренко, ставший заведующим кафедрой истории естествознания в 1936 г., на деканском совещании (конец 1936 г.), докладывая о проекте реорганизации кафедры и преподавания, сформулировал эти требования следующим образом:

Первое требование — актуализация истории, разработки исторических тем, в особенности теоретическое значение идеологического стержня в этой работе.

Я ... приведу такой факт, что сейчас в фашистской Германии усиленно поднялся интерес к истории наук, и этот интерес исключительно продиктован идеологическим моментом. ... Чтобы противостоять этой деятельности идеологически на всем участке фронта, нам необходимы соответствующие разделы ввести в строгом целевом направлении.

Поэтому новый план ... ориентирован на более широкое привлечение специалистов, интересующихся основами истории наук... [23, л. 100].

Последняя мысль была активно поддержана деканом химического факультета профессором А. В. Раковским. В выступлении на том же деканском совещании он ратовал за такую перестройку курса истории химии, которая помимо идеологических установок даст студентам и глубокие профессиональные знания:

История с историей химии у нас на химическом факультете чрезвычайно большой вопрос. Я не говорю уже о ... том, что, конечно, универсанты должны иметь

представление о некоторых именах, к каким срокам эти имена относить, о чисто хронологических моментах — это пустяк.

Мы в свое время хотели обеспечить правильное идеологическое освоение истории химии... Курсы эти ни одного раза не были доведены до конца.

Но здесь есть еще один момент, чисто служебный. Дело в том, что в области химии любой химик на практике, находящийся на заводе, должен и обязан пользоваться старой литературой, а в старой литературе совершенно иной подход к химическим обозначениям и самому атомному весу... И вот эта часть за все время моего пребывания на химфакультете выпадает. Они (преподаватели. — *Авт.*) знают идеологические установки, знают некоторые моменты в истории, в особенности древнейшей истории, начиная с Бойля и Лавуазье, дальше они никогда не шли. Но вот этот самый участок, который нужен как служебная вещь, в истории химии не излагался.

...Большие, крупные историки химии всегда были первоклассными химиками. Копп, Бергтро — вот корифеи истории химии. И я бы полагал, что если поставить историю соответствующей науки на должную высоту, надо требовать не 100 % «голых» историков, а надо требовать, чтобы эти люди включались в самую исследовательскую работу данной кафедры. Так, например, химик может прекрасно изучать химию и может в качестве главной своей работы иметь историю химии... Ибо если сам человек не работал в области химии, то чрезвычайно много ценного в истории от него ускользнет. У него нет химического нюха, который вырабатывается у рабочего стола... [23, л. 102–102 об.].

С мнением профессора А. В. Раковского согласились многие деканы естественных факультетов, признав, однако, что этот вопрос требует дополнительной организационной проработки. В результате перестройка преподавания истории науки, проиницированная соображениями идеологического характера, принесла глубокие изменения не только в содержание курсов, но и в саму структуру кафедры — планировалось ее расформирование с передачей курсов истории отдельных научных дисциплин в ведение соответствующих факультетов.

В то время, пока велась подготовка к структурным изменениям, кафедра и кабинет продолжали вести научную, педагогическую и популяризаторскую работу, стараясь привлечь к своей деятельности как специалистов в области истории науки (из Института истории науки и техники АН СССР) [24, л. 10], так и исследователей с соответствующих факультетов. Так, из химиков с кабинетом сотрудничали профессор Э. Ф. Краузе и Е. С. Пржеборский [20, л. 3; 25, л. 17].

В конце 1936 г. лекционный курс истории химии был передан доценту И. Я. Тюрину [26, л. 2 об.], он же проводил семинарские занятия для аспирантов. В 1937/38 уч. г. объем курса составлял 44 часа (в лекционном варианте) [27, л. 4]. К сожалению, по архивным материалам не удалось выяснить, завершилась ли организационная перестройка кафедры истории и философии естествознания до начала войны.

Кафедра истории химии

В послевоенное время, по возвращении университета из эвакуации, в преподавании истории науки вновь происходят изменения. В этот период они во многом являются отражением новых тенденций на «идеологическом фронте», связанных с победой в Великой Отечественной войне и касающихся, в основном, смещения акцента на подчеркивание роли русских и советских ученых и их достижений в истории науки и техники. Так, в приказе министра высшего образования СССР № 1739

от 24 ноября 1947 г. «О состоянии идейно-воспитательной работы в государственных университетах» читаем: «Необходимо воспитывать у работников университетов чувство гордости за свою советскую науку и культуру, развернув решительную борьбу с имеющимися фактами низкопоклонства и раболепия перед буржуазной наукой и культурой со стороны отдельных ученых, организовав общественный разбор и осуждение фактов раболепия и низкопоклонства» [28, л. 8]. Интересно, что к этим фактам раболепия относятся недостаточное цитирование в научных трудах работ русских ученых, а также «недопустимое для чести советского ученого стремление публиковать свои научные работы за границей, исходя из интересов личной славы и рекламы, чем наносится ущерб достоинству советской науки» [28, л. 5]. В результате признается необходимым «обеспечить тщательный контроль за публикуемыми научными работами в трудах и записках университетов с точки зрения... идейно-политического содержания этих научных трудов» [28, л. 9].

В том же приказе отмечается, что «некоторые профессора и преподаватели университетов в своих лекциях не раскрывают перед студентами передовой роли советской науки, ее достижений, совершенно недостаточно уделяют внимания изложению деятельности и выдающейся роли в развитии мировой науки крупнейших русских ученых» [28, л. 6], «мало пишут научных трудов по истории русской науки и освещению выдающейся роли великих русских ученых: Ломоносова, Менделеева, Лобачевского, Сеченова... и др.» [28, л. 7]. В связи с этим ставится задача реорганизации преподавания и «постановки научных исследований, освещающих преимущества советского социалистического строя перед буржуазным строем, показывающих передовую роль советской науки и культуры и значение в развитии мировой науки трудов выдающихся русских и советских ученых, а также разоблачающих реакционную сущность современных буржуазных теорий...» [28, л. 9]. Все это приводит к тому, что, помимо пересмотра общих учебных планов и программ, на соответствующих факультетах университетов вводятся новые специальности по истории отдельных естественных наук — физики, химии, биологии, географии и др. Так, в октябре 1947 г. Московскому университету была поручена разработка учебных программ по этим дисциплинам [29, л. 56–65], а в 1948 г. началась организация соответствующих кафедр.

Кафедра истории химии была создана в 1948 г. и с 1 января 1949 г., согласно штатному расписанию, имела две должности: заведующего кафедрой и ассистента [30, л. 268]. Лектором по истории химии стал профессор Николай Александрович Фигуровский [31, л. 8] (по некоторым сведениям, он начал читать этот курс лекций в 1947 г., будучи профессором кафедры коллоидной химии [32]), который в конце 1949 г. был официально утвержден заведующим кафедрой истории химических наук [33, л. 33].

Перед заведующим новой кафедрой встала задача создания учебно-методических материалов. Первым из них стала программа курса истории химии (для химических факультетов государственных университетов), проект которой был издан в 1948 г. [34, л. 87–96]. По существу она явилась и до сих пор является единственной программой, максимально полно и цельно рассматривающей все этапы развития химических знаний от древнейших времен до середины XX столетия. Начиная с определения предмета и задач данной дисциплины, периодизации истории химии, автор подробно освещает развитие практических знаний и ремесел у древних народов, формирование химической науки в периоды средних веков и эпохи Возрождения, более подробно останавливаясь на развитии химии в XIX и начале XX вв. Обстоятельность, с которой написана программа (ее объем составляет 18 с.), обусловлена не только и не столько «отсутствием подходящих руководств

для учащихся» (так пишет автор в «Объяснительной записке» к следующему изданию программы [35, л. 64]), сколько, на наш взгляд, профессиональными знаниями и выверенным, продуманным подходом к изучению истории химической науки, который сформировался у Н. А. Фигуровского к этому времени (с 1945 г. он работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР, а в 1955–1962 был его директором).

Естественно, что в программе нашли отражение и те тенденции, о которых говорилось выше:

Важнейшей задачей курса истории химии является воспитание у учащихся советского патриотизма, чувства гордости за свою Родину, за успехи отечественной химической науки; борьба против буржуазного космополитизма химической науки, борьба с раболепием и низкопоклонством перед наукой и культурой капиталистических стран. Поэтому в программе курса особое внимание уделяется истории отечественной химии, которая рассматривается на общем фоне развития химических знаний [35, л. 64].

Изложение биографий и вклада российских химиков в науку (в том числе и малоизвестных — А. А. Мусина-Пушкина, Чичикова и др.), будучи само по себе интересным и полезным, составило, однако, по объему почти половину курса, что вряд ли способствовало объективному представлению об истории развития мировой химической науки.

Н. А. Фигуровский. 1951 г.

Благодаря вниманию, которое в то время уделялось истории науки (пусть причина этого внимания была своеобразной), а также усилиям и профессионализму Н. А. Фигуровского, курс истории химии на химическом факультете быстро развивался. Его объем в первые годы преподавания составлял 72 часа, его читали как на дневном, так и на вечернем отделениях (вплоть до упразднения последнего), и завершался он экзаменом [36]. В 1948/49 уч. г. был впервые объявлен и прием в аспирантуру по специальности истории химии [37, л. 105]. Первым аспирантом по этой специальности был Г. В. Быков, ставший затем сотрудником кафедры, а впоследствии видным специалистом по истории органической химии и много лет проработавший в Институте истории естествознания и техники АН СССР.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. идеологические установки находили отражение практически во всех формах учебной работы кафедры истории химии. Так, например, в 1952 г. программа курса была «переработана в свете решений XIX съезда

Здание химического факультета МГУ на Ленинских горах. 1950-е гг.

КПСС и работы И. В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”. ... В курсе значительно обогащен раздел по истории отечественной химии» [38] (напомним, что сведения по истории химии в России и ранее занимали в программе почти половину объема). В рефератах (самостоятельных курсовых работах студентов), введенных в конце 1940-х гг., «нашли отражение мероприятия кафедры по политическому воспитанию студентов (изучение произведений классиков марксизма-ленинизма, решений XIX съезда КПСС, пропаганда достижений отечественной химии)» [38]. Та же тенденция — и в темах диссертационных работ: «Ломоносов и развитие аналитической химии» (А. И. Асев-Аджиева, 1963 г.), «К истории учения о радиоактивности в дореволюционной России» (Л. Л. Зайцева, 1957 г.), «Основные этапы развития неорганического анализа в России до 60-х гг. XIX в.» (М. Г. Цюрупа, 1957 г.). Даже в темах, формулировка которых предполагала исследования общего плана (например, работа Г. В. Быкова, посвященная истории классической теории химического строения, или В. И. Куринного «История развития атомно-молекулярного учения в XIX в.»), часто одной из основных задач становилось доказательство приоритета А. М. Бутлерова, «скрупулезно выполненное ... Г. В. Быковым» [39], или показ «подлинной картины развития атомно-молекулярного учения, ... передовой роли русских ученых: Ломоносова, Менделеева, Бутлерова» [40] аспирантом В. И. Куринным.

И тем не менее новая дисциплина продолжала увлекать и преподавателей, и студентов. Некоторые из них сохраняли интерес к истории химии на всю жизнь. Так, в 1954 г. среди лучших рефератов была отмечена работа студента Ю. А. Золотова «Из истории микрохимического анализа» [41]. Впоследствии, уже будучи академиком, Юрий Александрович Золотов не только выпустил ряд работ по истории и методологии аналитической химии, но и стал одним из организаторов двух конференций по этой тематике.

В начале 1950-х гг. появились первые дипломники по истории химии. Поскольку это совпало с приближающимся юбилеем МГУ, то предметом дипломной работы З. И. Шептуновой, выполненной на основе архивных данных, явилось преподавание химии в Московском университете в первой половине XIX в. Несколько раньше (в декабре 1949 г.) по приказу ректора МГУ акад. А. Н. Несмеянова «для разработки принципов составления научной истории Московского университета, ее периодизации и программы собирания материала» в университете была создана методическая комиссия, в состав которой вошел профессор Н. А. Фигуровский [42, л. 21]. К юбилею МГУ коллектив кафедры подготовил монографию «Химия в Московском университете за 200 лет» [1], в которой собраны богатейшие исторические материалы о преподавании химии, профессорах, об исследованиях, проводившихся в университете, а с 1929 г. — на химическом факультете МГУ. Работы по истории химии в университете продолжались и в дальнейшем.

В 1955 г. после празднования 200-летия Московского университета кафедры по истории наук были преобразованы в соответствующие кабинеты, и на химическом факультете начал свою деятельность кабинет истории химии [1].

Кабинет истории химии

Вначале кабинет истории химии представлял собой межкафедральное образование [43, л. 47–48], но через несколько лет (в 1963 г.) влился в состав кафедры физической химии. Вообще в статусе истории химии как учебной дисциплины начиная с середины 50-х гг. происходит ряд изменений «сократительного характера»: сначала ликвидируется кафедра, затем уменьшается самостоятельность кабинета до одного из подразделений, значительно сокращается объем лекционного курса (с 72 до 32 часов), заключительный экзамен заменяется зачетом. Возможно, эти изменения свидетельствовали о некотором спаде агрессивности в идеологии, характерном для «периода оттепели» начала 1960-х гг.: 23 мая 1957 г. выходит приказ ректора МГУ И. Г. Петровского, касающийся улучшения преподавания и исследований по истории науки на естественных факультетах, в котором предписывается «организовать при Совете университета по естественным наукам Секцию истории науки, в составе которой объединить всех профессоров и преподавателей истории науки естественных факультетов (утвердить председателем Секции ... проректора университета профессора Г. Д. Вовченко)». Интересно, что первоочередной задачей секции должен быть «пересмотр программ по истории науки и подготовка к изданию соответствующих курсов лекций» [43, л. 47–48].

Несмотря на «регресс в организационном плане», в преподавании и в исследованиях по истории химии появляются новые, позитивные изменения. Часть из них инициируется тем же самым приказом:

8. Деканам естественных факультетов предусмотреть чтение факультативных курсов по отдельным разделам истории науки, а также подготовку студентами дипломных и курсовых работ по истории науки.

9. В соответствии с приказом по Министерству высшего образования СССР № 139 в от 4 мая 1957 г. Советам естественных факультетов принимать к рассмотрению диссертации по истории науки и присуждать их авторам в случае успешной защиты соответствующую профилю факультета ученую степень [43, л. 47–48].

Следует отметить, что дипломные и курсовые (реферативные) работы по истории химии на химическом факультете выполнялись студентами и прежде (см. выше), данный же приказ стимулировал создание факультативных курсов для спе-

*Коллектив Кабинета истории химии на ступеньках химфака МГУ, начало 1980-х гг.
Слева направо: стажер-исследователь В. Н. Рыжиков (ныне проректор Иркутского государственного университета), аспирантка Е. А. Зайцева (ныне м. н. с. химфака МГУ), профессор Н. А. Фигуровский, с. н. с. Т. А. Комарова (сейчас на пенсии), к. х. н. Г. И. Чуприна (ныне преподаватель Астраханского медицинского института), м. н. с. Т. В. Богатова (ныне ассистент химфака МГУ)*

циализирующихся по отдельным отраслям химической науки (первый такой курс был прочитан Г. В. Быковым), спецпрактикума, спецсеминаров («Методологическое введение в историю химии», «Избранные главы истории химии» и др.) [36, 40], разработку программы кандидатских экзаменов [44].

Новым элементом в исследовательской работе стала зарождающаяся возможность зарубежных контактов: публикаций научных работ в иностранных изданиях, поездок на международные конгрессы и др. Качественный рост исследований по истории химии был также во многом обусловлен тесной связью с Институтом истории естествознания и техники АН СССР, разрабатывавшим фундаментальные основы истории науки.

После совещаний по методологическим проблемам, проведенных в 1958 г. Академией наук по поручению ЦК КПСС, усилилось внимание к вопросам методологии. Благодаря этим мероприятиям кабинеты по истории науки были переименованы в кабинеты истории и методологии соответствующей естественной науки,

соответственно видоизменялись их задачи. Так, в применении к химии решение проблем методологии включало три основные части: «1) применение диалектического метода к процессу развития химии, 2) выполнение задач, выдвигаемых Партией и Правительством на каждое пятилетие, 3) исследования в области собственной истории химии» [32].

Разумеется, марксистско-ленинские основы, классовый подход и решения съездов партии еще долгие годы фигурировали в историко-химических работах и учебных программах. Тем не менее в период с 60-х до середины 80-х гг. история химии на химическом факультете жила и развивалась. Программа лекционного курса постоянно обновлялась за счет включения в нее материалов, посвященных истории химии XIX и особенно XX в. [32]. За это время студентами было написано несколько тысяч рефератов и более 70 дипломных работ, аспирантами и соискателями защищено около 30 кандидатских диссертаций, в кабинете истории химии появились иностранные стажеры. Профессором Н. А. Фигуровским, помимо нескольких сотен научных статей, были опубликованы учебник по истории химии [45], двухтомная монография «Очерки по истории химии» [46] и другие книги. Многие из них были переведены на иностранные языки, а их автор приобрел международную известность.

Начавшаяся в конце 80-х гг. перестройка внесла свои коррективы и в высшее образование в целом, и в преподавание истории науки в частности. Однако анализ этих процессов еще ожидает своих исследователей.

Литература

1. *Фигуровский Н. А., Быков Г. В., Комарова Т. А.* Химия в Московском университете за 200 лет. М., 1955.
2. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 71. Д. 260.
3. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 490.
4. *Марковников В. В.* Исторический очерк химии в Московском университете // Ломоносовский сборник. М., 1901.
5. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 513. Д. 7184.
6. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 513. Д. 4722.
7. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 513. Д. 9672.
8. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 513. Д. 4552.
9. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 513. Д. 2355.
10. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 513. Д. 6784.
11. *Попов М. Н.* Краткий очерк истории развития основной химической проблемы // Уч. зап. Московского ун-та. 1904. Вып. 21. Ч. 2.
12. Архив МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. [1923/24 г.].
13. Архив МГУ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 86.
14. Архив МГУ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10.
15. Архив МГУ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 156.
16. Архив МГУ. Ф. 26. Оп. 1. 1 Л. Д. 1.
17. Архив МГУ. Ф. 26. Оп. 1. 1 Л. Д. 11.
18. Архив МГУ. Ф. 26. Оп. 1. 1 Л. Д. 31.
19. Архив МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108.
20. Архив МГУ. Ф. 26. Оп. 1. 1 Л. Д. 26.
21. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 384а.
22. Архив МГУ. Ф. 26. Оп. 1. 1 Л. Д. 20.
23. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 385.
24. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 239.
25. Архив МГУ. Ф. 26. Оп. 1. 1 Л. Д. 24.

26. Архив МГУ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 21.
27. Архив МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 173.
28. Архив МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 943.
29. Архив МГУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 944.
30. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 23.
31. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 112.
32. Архив химического факультета МГУ. Материалы о кафедре физической химии. Отчеты кабинета истории и методологии химии. Отчет за 1976 г.
33. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 125.
34. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1112.
35. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1284.
36. Архив химического факультета МГУ. Материалы о кафедре физической химии. Отчеты кабинета истории и методологии химии. Отчеты за 1959–1964, 1965–1970, 1976 гг.
37. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 109.
38. Архив химического факультета МГУ. Материалы о кафедре физической химии. Отчеты кабинета истории и методологии химии. Отчет за 1952/53 уч. г.
39. Архив химического факультета МГУ. Материалы о кафедре физической химии. Отчеты кабинета истории и методологии химии. Отчет-задачи за 1946–1980 гг.
40. Архив химического факультета МГУ. Материалы о кафедре физической химии. Отчеты кабинета истории и методологии химии. Отчет за 1955 г.
41. Архив химического факультета МГУ. Материалы о кафедре физической химии. Отчеты кабинета истории и методологии химии. Отчет за 1954 г.
42. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 125.
43. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 262.
44. Архив химического факультета МГУ. Материалы о кафедре физической химии. Отчеты кабинета истории и методологии химии. Отчет за 1973 г.
45. *Фигуровский Н. А.* История химии. М., 1979.
46. *Фигуровский Н. А.* Очерки по истории химии. Т. 1. С древнейших времен до начала XIX в. М., 1969; Т. 2. XIX век. М., 1979.